— Какой дорогой пойдем? — строгим низеньким чубановатым Алексей вешняк.
— Над Доном. — за всех ответил Григорий.
Шли переговариваясь, толкая один одного, с Дороги. По уговору взялись в сугроб каждого и давили наваливаясь кучей. Между базками и Громковским хутором Митька первый увидел переправившегося через Дон волка. ! !
— Левэй, бирюк вон он... Тю!
— А-ю-ю-ю-ю-ю-ю!..
— Ух!..
Волк трусливой перевалкой пробежал несколько саженей и стал неподалеку от того берега.
— Ушел, ево!..
— Га!.. !
— Тю, проклятой!..
— Митрей, это он на тебя давится, что та в чулке идешь.
— Иль стоит боком, окерёлок не дозволяет.
— Он взад не скрутит.
— Гля, гля, пошел!..
Серой, как вточенной из самородного камня, стоял на пашне волк, вытянув хвост. Потом торопко вскакнул в сторону и потрусил к талам окаймлявшим берег.
Стемнелось когда добрались до хутора. Григорий по льду дошел до своего проулка и подошел к воротам. Во дворе стояли дрошпентные сани, в куче мерзлого, навалженного возле плетня, чумазыми воробьи. Тянуло жильем, прогоревшей саней, парным запахом скотиньего база. Подшибаясь на кровлину Григорий взглянул в окно. Тускло желтил кухню висячая лампа, в просвете стекла пятно лица, к окну. Григорий обмел сапоги веником, вошел в облаке пара в кухню.
— Вот и я. Ну, здорово живете.
— Скоро тя. Невод принес? — отозвался суетливо и хозяйственно Петро. Пантелей Прокофьевич сидел облокотившись на колени, опустив голову, дергал гонял ногой тупящее колесо брички, натаскав сбоку и стола к Григорию спиной, не поворачиваясь. Кинув на кухне сумку взглядом Григорий остановил глаза на Петре. По лицу его, беспокойно вспыхивающему, понял, что, что-то случилось.
— Присягнул?
— Ага.
Григорий раздевался медленно, выигрывая время, быстро перебирая в уме возможные случайности виной которая эта тишина и холодноватая встреча.
Из горницы вошла Ильинишна. И на ее лице лежала печать некоторого смятения. „Наталья" повернул Григорий садясь на лавку рядом с отцом.
— Соберу ему повечерять. — обращаясь к дарье указала мать